

Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Акад. Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия

Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: mf11@mail.ru

ИСТОРИЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СИБИРСКИХ СТАРООБРЯДЦЕВ-ПОМОРЦЕВ САБЛИНЫХ – СЕРЕБРЕННИКОВЫХ *

В статье приводятся новые этнографические материалы по сибирскому старообрядчеству беспоповского согласия. На основе данных интервью с носителями традиций, нарративных источников, периодических изданий этой конфессиональной группы освещены этапы истории представителей двух фамилий потомственных старообрядцев, сделаны выводы об этнокультурных особенностях.

Ключевые слова: сибирские старообрядцы-поморцы, Горная Шория, ссылка в Нарымский край в 1930 г., этнокультурные особенности, традиции и обряды.

В настоящее время в угоду глобальной модернизации разрушаются или уже разрушены многие составляющие семьи. Для семей русских старообрядцев были важны не только знания об общем происхождении, но и соблюдение принадлежности к одной «старой вере», более того, к одному согласию. Более трех веков они хранили свои духовно-нравственные ценности, сообщая миру свое понимание мироустройства, христианских заповедей, создавая свою традиционную культуру в рамках русской цивилизации. Сегодня, когда российский народ ощущает нехватку этнических символов, особый интерес общества обращен к старообрядческим общинам как средоточию этнических характеристик: к их истории, внутриобщинным и внутрисемейным отношениям, особенностям традиционной культуры. Цель данной публикации состоит в выявлении особенностей трансформации традиционной культуры сибирских старо-

обрядцев на материалах двух потомственных семей поморцев Саблиных и Серебренниковых, являвшихся носителями северной русской традиции.

Работа базируется на данных интервью с Е. П. Саблиной, письмах (воспоминаниях) ее мужа Ф. Ф. Серебренникова к родственникам, а также материалах старообрядческого Собора 2006 г. [Деяния..., 2006].

Елена Петровна (в девичестве Федосья Саблина) и Феодорит Федорович Серебренниковы считали себя потомками сибирских старообрядцев-поморцев ¹ (ПМА-2006–2010). Елена Петровна родилась в 1936 г. в Таштагольском районе Кемеровской области в дер. Кустов Лог, которой в настоящее время уже не существует. Происхождение родословной Саблиных ведется от старообрядцев Пермской губернии. Причина переезда в Сибирь Елене Петровне неизвестна. По словам отца Петра Гуриевича Саблина, родному деду Гурию Саблину пришлось крестить

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 10-01-000470а).

¹ Поморцы – старообрядцы, относящиеся к так называемому «беспоповскому» согласию, не имеющего священства («попов»). Название ведется от места возникновения в Поморье (Олонецкая губерния).

себя и затем всех остальных родственников на Березовой реке (Таштагольский р-н Кемеровской обл.), почему длительное время в среде старообрядцев их называли «самокрестами». Креститься в условиях гонений и скитаний в свою исконную поморскую веру по всем правилам не было возможности.

По воспоминаниям Елены Петровны, Гурий Саблин после Октябрьской революции (в устах старообрядцев «переворота») и общего разброда и шатания последовавших лет нашел поморца, но тот не мог его крестить, так как был женат дважды («двоеженец»). Однако один встречный старообрядец посоветовал Саблину за неимением нужного человека креститься самому: «Крестись сам и их крести. При нужде можно, как сказано в Писании». Это было время, по словам Елены Петровны, когда «кто скрывался, кто сидел, кто был в ссылке». Из письма Феодорита Федоровича² следует, что в это время дед Гурий жил не дома, а скрывался в лесу под пихтой, так как его несколько раз пытались арестовать как выходца из купеческой семьи.

По прошествии нескольких десятков лет – в 1960-х гг., в таштагольской общине решили отлучить «самокрестов» Саблиных, не считая такое самоуправство законным. Из писем Ф. Ф. Серебренникова следует, что по причине «замирщения» жены они тридцать лет прожили «в молитве и еде отдельно». На недавно состоявшемся в Санкт-Петербурге Соборе (май 2006 г.), где вопрос «о самокрестах» рассматривался специально, было принято решение считать Саблиных старообрядцами, но с условием «повторного перекрещивания» (по словам Елены Петровны). В изданных «Деяниях Третьего Всероссийского Собора Древлеправославной Поморской Церкви» указано руководствоваться по этому вопросу решениями Всероссийского Собора 1909 г. и Собора в Вильнюсе 1974 г., а именно: «Самокрестов доказанных, что являются действительно самокрестами, признающих свое крещение – самокрестов за истинное, и Церковь Христову не признающих на земле за истинную, таковых крестить...» [2006. С. 84, 86].

Семье Феодорита Федоровича Серебренникова – потомка старообрядцев-поморцев из с. Завьялово Томской губернии³, удалось вкусить гонения и скорби в полной мере. По этому поводу в письме дочери Марии Феодоритовне Косачевой (Серебренниковой) он писал: «Откуда они там появились (на Алтае. – Е. Ф.), я не спрашивал. Когда отцу исполнилось девять месяцев, дед Фавст был убит в дороге по Алтаю, каким-то жителем Сятовки Алтайского края. Осталась вдова с тремя ребятишками. Федюнька был вторым. Тетка Февронья – старшая, дядя Яков – младший, так и ходили вместе...». Детские годы, которые пришлось на рубеж 1920 – начало 1930-х гг., были полны лишений, недетской заботы о хлебе. Приведем отрывок из того же письма дочери: «А тогда был жесткий закон на староверов. Так как староверы не ходили в никоньянскую церковь венчаться, такой брак не считался действительным, и дети не имели права на наследство. Пользуясь таким положением, как мой родитель вспоминал, его дядя – брат отца, отцовские пожитки пропил. Прожив сколько-то лет, бедная вдова ссаживает ребятишек на телегу и что-то из оставшихся пожиток, переезжает в Куячу... В Куяче им дали надел земли, как было заведено приезжим, в пределах Сайбачихи и так как было изрядно христиан-староверов-поморцев, желающие сделать добро, запрягли лошадей, привезли по бревну, по два и дом готов. А потом несколько дней помощи⁴ и заходите, живите. А уж как жили, только нам известно». Показательны воспоминания о том, как малолетние дети были главной опорой матери, оставшейся вдовой. С шести лет Федюньке, как его звали родные, пришлось пасти коров, мастерить и ремонтировать рабочий сельскохозяйственный инвентарь, а его брату Яше молотить на мельнице муку. Приведем эти яркие жизнеописания Феодорита Федоровича: «Был такой случай, шести лет пасу коров. Куда идут, не знаю, иду за последней, трава-то выше меня. Вечером сколь-то коров нет. А как раз и угодило, что по очереди идти ужинать к тем, чьих коров нет. Мать говорит, иди, уж как-то извиняйся. Прихожу. Хозяйка в кути, а девчонка лет

² Письмо Ф. Ф. Серебренникова к Акилине Андреевне Астаниной, родной сестре мачехи Елены Петровны Серебренниковой (дев. Саблиной) (ПМА-2010).

³ Феодорит Федорович Серебренников, 1927 г. р., с. Куяча Алтайского района Алтайского края (ПМА-2006).

⁴ Помощи, помочи – коллективный труд для оказания помощи одной семье со стороны односельчан.

десяти на лавке и говорит: «Ты карапас, пашто наших-та каров прапас?» Хозяйка окликнула ее: «Замолчи, ему и так неудобно. Проходи Фединька за стол садись, не слушай ее». Сел, поужинал, не отрывая от полу глаз, ушел. Назавтра нашлись. Или вот еще. К сенокосу мать принесла трои граблей. Почему? Сказала. Это я получаю по гривеннику в день, как раз мне надо месяц коров пасти за эти грабли, да неужели бы я за месяц не сделал такие грабли? – Ну, если сделаешь, отнеси и скажи, что сам сделаю. Принес. Ты что это Фединька, грабли-то, не понравились? – Дорого. Я сам. Сам? Прекрасно. Рад помочь. Вот смотри. Выгесал головку, разметил. Вот так сверли. И так, пока готовые. Вот ты порядок работы узнал, теперь делай сам, здесь же, я только подсказываю. Неделя не прошла, трое граблей сделал. А теперь постарайся приобрести инструмент каким работал, он тебе всю жизнь нужен будет. Что не знаешь, приходи, подскажу. А вместе со мной навикал младший брат Яша. В школе ни кто из троих не бывал. А хлебушка тогда было негде взять, если он не вырос. Надо посеять и сжать, и обмолотить. Раз посылает мать Яшу на мельницу, смолоть зерно. Он уже совсем собрался, даже подпоясая (зима), стоит у порога, мать все ему рассказывает, порядок, как смолоть. Он все выслушал и говорит: «Чё-та наказывает, как маленькому». Возраст четырнадцать лет».

Мать женила всех сыновей и дочь по очереди, выбирая будущую родню из старообрядцев-поморцев. В письме Федора Феодоритовича это выглядело следующим образом: «После Фединой свадьбы мать спрашивает у шестнадцатилетнего Яши: “А что Яша, если и тебя женить, как на это смотришь?” – “А чо, жениться – не давиться, женился, да и жил. Буду”. Так появились в нашей избушке еще две семьи». Сначала новый дом построили для Федора Фавстовича, затем для брата Яши. Однако вскоре после этого грянула «германская» война и старшего Федора взяли на военную службу. Мать осталась жить с младшим сыном. Тогда такой порядок существовал, что если в семье проживали два брата, то один шел в армию, другого не брали, чтобы помогал семье ушедшего.

Когда старообрядец Федор Фавстович вернулся в родное село, то уже бушевала Гражданская война: «То белые, то красные,

то курукурумцы⁵, то без звания бандиты. Чтoб по утрам не заглядывать, не висит ли хозяин на воротах, объединились мужики в партизанский отряд. Хотя и три берданы на отряд, но все-таки бандиты стали оглядываться». В семье Федора Серебренникова родилось двенадцать детей, младшим из которых был Феодорит.

После Гражданской войны Федор Фавстович был избран от партизанского отряда председателем охраны революционного порядка на селе. Однако такая работа не лежала к душе старообрядца, и он попросил переизбрания. В сельской местности, где проживала семья Серебренниковых, было много неграмотных людей, поэтому Федор и на царской службе быстро был зачислен в унтер-офицеры, и в годы советского государства стал востребован, хотя, по его словам, ни дня не учился в школе. При этом он никогда не оставлял церковную службу и чтение богослужебной литературы, «чтоб живя среди всяких кривотолков самому знать суть православного учения, отличать истину от лжи, и не блудить в вере». Даже случилось спорить с присланным лектором-атеистом, когда он «разобрал всю лекцию, выводя все ложные махинации на свет Божий». Уезжая, не найдя слов к оправданию, лектор сказал, что «ехал с лекцией к простому народу, а наткнулся на начетчика...»⁶.

Крепкая крестьянская семья с пятью малыми детьми в 1930 г. была причислена к разряду кулаков и отправлена в числе многих других в ссылку. Приведем выдержку из письма Феодорита Федоровича, который, как следует из текста, запомнил каждую мелочь из событий тех дней: «Ссылка. Верховье Кети. Наш самый последний переселенческий поселок Березовка. Дальше остатская деревушка Алипка – 18 км, а ближе в другую сторону Мулешка – русская, давние жители, тоже 18 км. И тут же соседские наши два поселенческие поселка Клюквенка и Карасевка, все три на расстоянии 5 км. Высадили нас с баржи в начале лета на берег речки Чучанги, считай, на остров, при-

⁵ Курукурумцами старообрядцы называли повстанцев, бандитов, которые совершали набеги и грабили села.

⁶ Письмо Ф. Ф. Серебренникова к дочери М. Ф. Косачевой (Серебренниковой) (ИМА-2009, г. Новосибирск).

мерно 500 × 700 м: с севера речка, с востока болото бескрайное в длину, с запада – болото круглое 1,5 км в диаметре, все залито сплошь водой, а с юга согра⁷... Картина такая – сплошная тайга, разнолес. Небо видать только над головой, под ногами в основном папоротник, уросший мохом, из которого выжимается вода. В воздухе один другого меняя, а то и все сразу тучами – комар, мошкара тройная, овод-паут четырех видов. Не только Макар с телятами, даже нога человека не ступала. Сначала расчистили от леса, кустарника, поставили палатку...»⁸ Только благодаря предприимчивости, трудолюбию и железной воле главы семейства Федора Фавстовича удалось выжить в этих страшных условиях. К первой зиме он с сыновьями сумели построить избушку (4 × 6 м), где зимой в морозы разместилось около сорока человек.

Среди ссыльных было немало женщин с детьми, которые, по сути дела, оказались брошены на верную гибель. «...Там метров 70 от дому были могилки. Сначала, с осени смотришь, несут хоронить. Народом. Еще что-то поют. А потом это шествие участилось. А дальше, что ни день, то и несут. За половину зимы уже копать стало некому, смотришь, возчик везет на санях без гроба, а голова или ноги тащутся. Там свалит и обратно. А весной, как снег растаял, люди выкопали яму, все трупы свалили, закопали. У нас в доме зимовала женщина с восьмью ребятишками, все на иждивенческом пайке. К весне ни одного не осталось. Мужика посадили, а ее с ребятишками вывезли. Другая семья, рядом жили в землянке, Субботины – девять ребятишек. Так же. Мужика посадили, ее вывезли. К весне осталось трое...»⁹

До Великой Отечественной войны Федорит Федорович переболел всеми возможными болезнями в условиях практически отсутствия медицинской помощи: грипп, малярия, цинга, воспаление легких, золотуха и пр. В ссылке он провел свое детство, обучался в школе. Главной работой для всего населения была раскорчевка леса. Истощенные до предела дорогой люди падали и умирали. Так, за несколько лет построили

поля, стали выращивать свой хлеб, потом их снабдили скотом и лошадьми, завезли картошку (от государства хлеб давать не стали), но к тому времени остались самые выносливые люди. «Ну, а как к нам относились, – писал в воспоминаниях Серебренников, – можно понять с одного разговора. Ссылный Егоров М. А. спрашивает: “Товарищ Бугаев, разрешите к вам с вопросом”. Ответ: “Понимаешь, ни товарищ, а гражданин. Ни Бугаев, а комендант, еще услышу – посажу!” Разговор закончен. Спустя некоторое время, в момент настроения, Егоров спрашивает, что я плохого сказал? “Ты меня оскорбляешь. Не забывай, что вас из своих мест вывезли как потерявших достоинство называться человеком, и ты, называя меня товарищем, ставишь в один ряд с собой. Посажу, за оскорбление личности”».

В 1947 г. Феодорит Федорович был мобилизован в трудовые резервы армии, в связи с чем переехал на место жительства в Новокузнецк, а после смерти И. В. Сталина перевез туда своих престарелых родителей. В 1957 г. он женился на потомственной старообрядке Елене Петровне Саблиной, семья которой в то время проживала в Горной Шории.

По воспоминаниям Елены Петровны, в Шории они занимались традиционным сельским хозяйством: сеяли для собственных нужд рожь, пшеницу, овес, ячмень, лен. Сеяли, ориентируясь на день Св. Николая, после которого, считалось, уже не будет заморозков. Хлеб убирали серпами, лен дергали руками.

До 1930-х гг. носили одежду собственного изготовления из льна и шерсти, а пожилые женщины пряли и ткали в Кустовом Логу еще в 1950-е гг. (шерсть пряли до 1960–1970-х гг.). В период единоличного хозяйствования весь процесс обработки льна проводился силами одной семьи: сушили, мяли, трепали, чесали «щетями», пряли не только женщины и девочки, но также привлекались малолетние сыновья. С самых ранних лет Елене Саблиной пришлось учиться прясть на прялке-«преснице», хотя в деревне у более обеспеченных были и самопряхи. Уже будучи взрослой женщиной, проживая в городе, она ткала и вязала из тряпочек дорожки, коврики. С приходом советской власти Елене Петровне пришлось работать в промартели, лескомбинате, пихтовом заводе. В молодом

⁷ Согра – болото, поросшее кустарником.

⁸ Письмо Ф. Ф. Серебренникова к дочери М. Ф. Косачевой (Серебренниковой) (ПМА-2009, г. Новосибирск).

⁹ Там же.

сти она «лазила по пихтам как белка, рубила пихтовую лапку», из которой гнали пихтовое масло.

Большую роль в питании и, следовательно, выживании в условиях собственного хозяйства играли дикоросы тайги. Повседневным блюдом были так называемые «галушки», представлявшие собой вареную лапшу, резанную ромбиками, заправленную соленой колбой. Целыми мешками собирали в лесу кедровые шишки, которые потом молотили, поджаривали. Высаживали огородные культуры, прежде всего огурцы, капусту; их солили в «кадках». Помидоры до окончания Отечественной войны не были известны местным старообрядцам, как и прочему населению Сибири.

Строжайшим законом было определено соблюдение постов, а также постных дней (среда и пятница), считавшихся траурными днями календаря («В среду на Иисуса Христа говор сделали, а в пятницу распяли»). Особенно строгими считались первая и последняя недели Великого поста. Но, рассуждая таким образом, Елена Петровна считала, что это традиция сложилась «по слабости» веры, так как все недели должны быть одинаково строгими.

В семье Е. П. Саблиной было двенадцать детей, двое из которых, Анисим и Кузьма, погибли в Великую Отечественную войну. До сих пор среди детей и внуков сохраняется традиционная терминология родства: «дедонька», «бабонька», которую раньше звали также «мама стара». Прабабушку звали «баба стара» или «баба старенькая», старшего брата – «браткой», выделяя его статус таким названием, потому что он решал проблемы на уровне детей самостоятельно, без помощи родителей. С ранних лет Елене Петровне пришлось выполнять «няньки», которая, будучи сама ребенком, должна была постоянно качать колыбели с младшими братьями и сестрами. Вот как она рассказывала об этом периоде своей жизни: «Мое детство вспоминать, да это не дай Бог никому! В зыбку ложишь и пошел накачивать. Когда уснет, быстрее пошел чей-то делать в это время. Когда замуж вышла, только тогда белый свет увидела!» Хорошо знала маленькая нянька колыбельные песни, песни-потешки, детские игры. Делали маленьким детям «козу», крутили «сороку»: «Сорока-белобока, по лесу летала, добычу добывала...» Тот факт, что дети выживали

в семье и не болели, Елена Петровна объясняет тем, что женщины (мама, мачеха) не работали на сельскохозяйственных работах. Действительно, в нашей полевой практике имеется много записей о случаях, когда оставленный без нянек ребенок погибал.

Детей крестил по обычаю на восьмой день отец духовный Лука Васильевич Пестиков, но если рождался слабый ребенок, то старались крестить сразу после родов, «чтобы он не умер без крещения». «Бывало, что неживые рождались у матери. Тогда уже всё... Ничего не сделаешь, так хоронят. И молиться-то за него нельзя обычным образом, даже за упокой нельзя. Только Богородице молятся да Святителю Николаю». Таким образом, народные традиции и устное предание были более терпимы по отношению к памяти такого рода умерших, чем официальная церковь, запрещавшая помянуть души некрещеных.

У старообрядцев-поморцев крестили в холодной воде с полным погружением: «Из холодной воды он румяный выскакивает!» В день крещения ребенку давалось имя соответствующего святого. У мальчиков для любого дня можно было подобрать имена, а для девочек, если таких имен не оказывалось (были все мужские), то допускалось поискать на восемь дней назад и на восемь дней вперед. Именно после крещения, по представлениям старообрядцев, у человека появлялся ангел-хранитель.

Соблюдались запреты на заключение браков (как говорили, «не брачили») в постные дни недели, а также в двенадцатые праздники. Жениха и невесту ставили на коврик перед аналоем, и духовный отец читал брачный канон. Потом подходили родители, клали руку на голову и говорили: «Благословляю тебя, мое чадо. Аминь. Родительское благословление отныне и до века». Благословляли родители жениха и невесты, если родителей в живых не было, то подходили мачеха или отчим.

В 1950-х гг., когда переживалось очередное гонение на веру и исконные обычаи, подыскать жену-христианку было сложно. По этой причине Феодорит Федорович долго не женился, объяснял родителям: «Каво я буду брать-то, они стрижены никоньяны, я свою, христианку же хочу!» Феодорит присмотрел свою невесту на Соборе поморцев, когда он проводился в доме Саблиных (такие соборы в разных местах России про-

водились систематически, рис. 1–3). Сватать Елену Петровну приезжали три раза. В решении главную роль сыграл отец, или «тятя», который после визитов сватов сказал: «Вот тебе жених. Вот только за него и отдам». Хотя немало приходило свататься «мирских», для Елены Петровны слово отца было законом. После сватания еще до свадьбы Саблину ночью перевезли в дом жениха в г. Новокузнецк, что было не по правилам, но надежнее, так как деревенские ухажеры уговаривали ее не ехать замуж в город, а уйти убегом. Сосватали в Троицу, далее шли Петровки, когда нельзя играть свадьбу, поэтому в итоге был выбран Петров день. К этому дню приготовили приданое в виде постели, пухового одеяла, новой одежды. Свадьбу играли в Кустом Логу, так как в деревне проживала вся многочисленная родня невесты, а со стороны жениха приехали лишь его мать и отец.

В замужестве Елене Петровне приходилось привыкать к городской жизни, отвыкать носить холщовую одежду. Здесь она

услышала, что вместо слова «кержаки» их культурно можно называть «старообрядцы». Довелось ей слушать рассказы «мамоньки», как звала она свекровь, о жизни в ссылке в г. Нарым. Саблины не попали в это место только по причине малолетних шестерых детей-сирот, оставшихся после смерти матери с отцом, два же сосланных брата отца погибли в этой ссылке.

На свадьбе, как вспоминала Елена Петровна, пели духовные стихи, но не за столом, а после столования. На стол обязательно ставили рыбный пирог со свежезапеченной рыбой, кисель, куриную лапшу (если свадьба была не зимой, когда кур не резали), а под завершение общей трапезы приносили горку блинов. Взяв блин, каждый прилюдно объявлял о своем подарке и клал его в определенное место или передавал жениху и невесте. Таким образом, за «первым столом» молодых одаривали полотенцами, отрезами ткани, платками, деньгами. Поскольку всему этому сопутствовало съедание блинов, то обычай назывался еще «блиновать».

Рис. 1 (фото). Собор старообрядцев-поморцев на Преображенском кладбище, 1988 г. (?), Москва (ИМА-2010)

Рис. 2 (фото). Участники Собора старообрядцев-поморцев на Преображенском кладбище в год Крещения Руси, 7 августа 1988 г., Москва (ПМА-2010)

Рис. 3 (фото). Участники Собора 1988 г. в поездке по святым местам Подмосковья (ПМА-2010)

На второй день столование сопровождалось обычаем «сор кидать», когда в принесенную заранее домой солому кидали мелкие деньги. Молодые собирали деньги, а гости снова и снова кидали им в солому мелочь. Третий

день был завершающим, когда доедали оставшиеся кушанья. Проказы ряженных, как и сами ряженные, на свадьбе старообрядцев отсутствовали («у никоньян были ряженные»).

Рис. 4 (фото). Собор старообрядцев-поморцев, 2006 г., Санкт-Петербург
(дар Новосибирской общины старообрядцев-поморцев)

Старообрядцы отличались своим отношением к некоторым обычаям традиционного календаря, чем выделялись на фоне остальных жителей русской старожильческой деревни. Так, на Масленку, как и прочие русские сибиряки, катались с песнями на конях («молодые, старые-то уж не будут»), съезжали с гор на санках, пекли блины. В Вербное воскресенье собирали веточки верб, освящали их в моленной («кадили»), но, в отличие от «никоньян», не стучали ими ни людей, ни скот. В Страстную неделю хозяйственными делами не занимались, а духовно готовились встретить Пасху: молились, читали душеполезную литературу.

В праздник Светлого Христова Воскресения ходили по домам, «Паску пели». Приведем воспоминания Елены Петровны: «За стол садятся, это торжество. Стряпня всякая, рыбный пирог, и бражка тут, медовушку делали. Водку не брали – это грех». Обязательно христосовались, т. е. целовались со словами «Христос Воскресе» и обменивались крашеными яичками. Отец обходил с яйцами на тарелке всех своих детей и христосовался с каждым. «Каждому яичко подносил и говорил “Христос Воскресе”, ему отвечали “Воистину воскресе” и брали

яичко. И обязательно его надо съесть в первую очередь». Интересно, что куличи в семье Елены Петровны Саблиной не готовили, во всяком случае, в ее детстве, но обязательно пекли блины. Отсутствовала традиция загадывания на предпасхальное количество яиц, приносимых курами накануне праздника. До Святого Егория скот не выгоняли, а «придерживали дома». В праздник святого выгоняли скот первый раз с молитвами «Да воскреснет Бог» и «Живые помощи». Каких-то особых традиций, связанных с народными приметами, в семье Саблиных не было, как поясняла Елена Петровна, «все просто было»: «Вот пошли на пашню, три поклона положили, благословились: “Тятя, благослови”. И пошли пахать или там садить... В сухое лето пророку Илии молились».

В семье Серебрянниковых до сих пор помнят и исполняют духовные стихи, особенно любимая песня о протопопе Аввакуме. Феодорит Федорович с 1993 г. являлся настоятелем старообрядческой общины Бийска, был участником Третьего Всероссийского Собора, проходившего в 2006 г. в Санкт-Петербурге (рис. 4). После Собора, на совещании сибирских и алтайских общин он был единогласно избран председателем Сибирско-

Рис. 5 (фото). Съезд старообрядцев-поморцев Сибири и Алтая, май 2006 г., г. Темир-Тау; в первом ряду второй справа Ф. Ф. Серебrenников (ПМА-2010)

Рис. 6 (фото). Книга глаголемая греческим языком Паренисис (Почуения Ефрема Сирина); тип. Почаевская, б/г. (ПМА-2009)

Рис. 7 (фото). Уголок иконостаса и кация у старообрядцев-поморцев (ПМА-2009)

Рис. 8 (фото). Крест протопопа Аввакума, хранящийся в многочисленной семье Саблиных (по: [Деяния..., 2006], цв. вкладка)

Алтайского Совета (рис. 5). В доме Саблиных – Серебренниковых хранится целый архив, включающий не только старинную богослужебную литературу (рис. 6), но и письма родственников, родословное древо, памятные семейные реликвии, поддерживавшие этноконфессиональную идентичность «из века в век» (рис. 7), а также старообрядческая святыня – крест протопopa Аввакума (рис. 8), подлинность которого подтверждает надпись на оборотной стороне: «Распятие Господне бе у страсотерпца Аввакума протопopa в заточении, по сожжении же святого взято бе стрелцом, иже и храни честно. Аз же смиренный Андрей Дионисьев сын Вторушин, сущу ми на Москве, стяжах и за мало нечто у сына стрелца того и принесох и во обитель нашу на вечное поклонение в лето 7222 (1714 год)» [Деяния..., 2006. С. 30].

По рассказам, воспоминаниям и письмам семьи Саблиных – Серебренниковых воссоздаются особенности религиозной атмосферы, семейно-бытового уклада, обычаев и обрядов старообрядцев-поморцев на протяжении XX в. Интересно то, что на фоне новых исторических и политических событий,

развития технологий и изменения условий жизни, члены семьи сохранили твердое убеждение в правоте своей веры и, проживая в большом городе, научились абстрагироваться от «вредоносного мира».

Усвоенные с детства навыки с опорой на знание законов природы и собственное трудолюбие помогали старообрядческой семье выживать и сохранять достоинство в самых трудных, для иных невыносимых, условиях жизни. Северорусские в своей основе традиции строительства, обработки льна и изготовления одежды помогли успешно адаптироваться в Сибири. Ряд особенностей семейно-свадебной и календарной обрядности был обусловлен принадлежностью семьи к старообрядчеству беспоповского согласия, системой соответствующих заветов.

Список литературы

Деяния Третьего Всероссийского Собора Древлеправославной Поморской Церкви. СПб.: Невская обитель, 2006. 215 с.

Материал поступил в редколлегию 18.05.2012

E. F. Fursova

HISTORY AND ETHNO-CULTURAL FEATURES OF SIBERIAN OLD BELIEVERS-POMORTSY SABLIN – SEREBRENNIKOV

The paper presents new ethnographic material on the Siberian Old Believers, not related to the official Orthodox Church (denying priests). On the basis of interviews with informants, narrative sources, periodicals of this religious group showing the history of representatives family of the Old Believers, and draw conclusions about their ethnic and cultural characteristics. Northern Russian building traditions, flax processing and manufacturing of clothing helped to adapt successfully in Siberia.

Keywords: Siberian Old Believers-Pomortsy, Mountain Shoria, the reference to the Narym region in 1930, ethnic and cultural characteristics, traditions and ceremonies.